

СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЧАСТИЦЫ «РАЗВЕ» ДЛЯ РУССКОЙ ТИПОВОЙ ЧАСТИ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ

Алимпиева Л.В.

Международный университет «Ала-Тоо», Бишкек, e-mail: larisa_alimpieva@mail.ru

Специфической чертой русской частицы является наличие у нее нестандартной семантики, а также ее зависимость от знаменательных слов. Собственно эти антецеденты затрудняют выполнение экстрасективного лексикографического описания частицы в словарной статье (лемме) двуязычного словаря. Лексикографическое описание русских частиц определяется важностью их объективной экспликации в лемме и предполагает системно-комплексный подход к решению данной проблемы. Русские частицы как строевые единицы русской языковой системы требуют обязательного воспроизведения и описания в отдельных леммах. Лингвистические правила кодификации русской частицы предполагают обращения: 1) к означаемому русской частицы; 2) морфологическим свойствам, структуре; 3) семантике; 4) синтактике; 5) коммуникативным свойствам; 6) прагматике. Из всех перечисленных аспектов кодификации русской частицы в лемме двуязычного словаря для нас наиболее важными являются ее семантика, прагматика и коммуникативные свойства. В статье исследованы проблемы: 1) построения композиции и содержимого словарной статьи; 2) выявления путей совершенствования словарной статьи; 3) установления оптимального лексикографического портрета русской частицы «разве». В работе последовательно обосновываются структура и содержание словарной статьи на частицу «разве» с точки зрения последних достижений теории русского языкознания и двуязычной лексикографии.

Ключевые слова: лексикографический портрет, лемма, русская частица «разве»

LEXICOGRAPHIC IMAGE OF THE PARTICLE “РАЗВЕ” (RAZVE – UNLESS) FOR THE RUSSIAN PART OF A BILINGUAL DICTIONARY

Alimpieva L.V.

Ala-Too International University, Bishkek, e-mail: larisa_alimpieva@mail.ru

The Russian particle has the essential and characteristic morphological feature: it is subordinate, and it has non-standard semantics. It is this precedent that makes it difficult to implement its objective description in the dictionary entry (lemma) of a dictionary. The codification of particles is defined by the importance of their objective explication in a dictionary entry; it suggests a system-integrated approach to solving this problem. As building blocks of the language structure the Russian particles require mandatory reproduction and description in separate lemmas. The linguistic rules for Russian particle codification require reference to: 1) the signifier of the Russian particle; 2) morphological properties, structure; 3) semantics; 4) syntax; 5) communicative properties; 6) pragmatics. The Russian particle's semantics, pragmatics and communicative properties features are significant for the study among all the listed aspects of the Russian particle codification in the dictionary entry of a bilingual or polylingual dictionary. The article studies: 1) organization of the structure and content of a dictionary entry; 2) identifying ways to improve the dictionary entry; 3) establishing the lexicographic image of the Russian particle “разве” (razve – unless). The article describes the structure and content of the dictionary entry for the particle “разве” “razve- unless” from the perspective of in the theory of contemporary lexicography.

Keywords: lexicographic image, lemma, Russian particle “разве” (razve – unless)

Термин лексикографический портрет активно применяется в теории лексикографии. Лексикографический портрет русской частицы должен соответствовать лексикографическому типу, объединяющему все частицы русского языка – в этом случае лексикографическое описание будет удовлетворять требованию системности. Лексикографический портрет – это лемма (словарная статья), в которой грамматические и лексикографические сведения о слове скоординированы между собой описанием комплексным и цельным. Лемма – это структурная единица каждого взятого в отдельности словаря, состоящая минимум из следующих двух компонентов: левого, объясняемого, и правого, объясняющего. В двуязычном словаре соответственно выделяются типовая русская часть леммы и ее перевод на тот или иной иностранный язык.

Грамматика и словарь в этом случае находятся в состоянии взаимодействия в одной языковой модели.

Целью статьи является определение оптимальной структуры и содержания русской левой стандартной (типовой) части русской леммы на частицу «разве» для двуязычного словаря, которая впоследствии должна быть переведена составителем словаря на другой язык. Предметом статьи является отражение смысловых, компонентных и функционально-прагматических свойств русской частицы «разве» и их отображение словарными приемами в микроструктуре леммы.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования являются: 1) работы в области теории общего языкознания, 2) теории и практики общей и двуязычной лексикографии. Для достижения

поставленной цели в процессе нашей исследовательской работы применялись общелогический, аналитический и синтетический методы. Также были использованы методы эмпирического характера: наблюдение, качественное и количественное сравнение, описание, моделирование.

Результаты исследования и их обсуждение

Двуязычный словарь характеризуется следующими структурными особенностями, которые, по нашему мнению, имеют место быть. 1. В процессе перехода от внутренней организации русского языка к внешней системе (к языку перевода) происходит пересечение текстов перевода на выходном (иностранном) языке с соответствующими элементами филиации на втором языке. 2. Словарная статья направлена как на лексику и грамматику русского языка, так и на лексику и грамматику иностранного языков. 3. Вокабула и ее описание в иностранной выходной (правой) части предопределена русской входной (левой) частью. Вследствие этого правая и левая части леммы с точки зрения языка автономны друг от друга, у них нет общих элементов. Словарная статья показывает на полное структурное языковое и экстралингвистическое различие между двумя языками. В результате, как отмечает Е. Ривелис, появляются такие недостатки двуязычных словарей, «как неконтролируемая пролиферация значений, неразличение синонимических входов, неточность, приблизительность в подборе эквивалентов, их неподставимость в текст перевода, аморфность больших словарных статей, в особенности слов широкой семантики, немотивированный отбор и произвольное размещение примеров и фразеологизмов, общая нехватка комбинаторной информации или, иначе, остающаяся необъясненной и необъяснимой сочетаемость слова, как разрешенная конвенцией, так и потенциально возможная» [1, с. 23].

Наиболее сложными и особенно важными проблемами для двуязычной лексикографии являются следующие:

- 1) неспособность описать и передать единство слова, что не способствует его усвоению;
- 2) неразличаемость синонимов;
- 3) негенеративность [1, с. 147, 148].

Как видно из представленных проблем, можно утверждать, что они носят универсальный характер, но, помимо таких общих проблем, в каждом отдельном словаре обнаруживаются частные проблемы, решение которых не менее важно для двуязычной лексикографии. Отдельный тип словаря

требует установления определенных критериев оценки.

Для нивелирования вышеуказанных недостатков, как представляется, необходима тщательная проработка русской левой типовой части леммы. Предлагаемая нами проработка лексикографического портрета русской частицы «разве» в определенной мере будет способствовать разрешению указанных проблем.

Начнем с того, что лексикографический стандарт требует следующего порядка расположения зон леммы: вокабула (зона имени), фонетическая, морфологическая, словообразовательная, лексическая и грамматическая зоны предшествуют зоне толкования, за стилистическим элементом следует иллюстративный. «Заромбовая» и информационная зоны традиционно размещаются в конце леммы. В некоторых случаях порядок расположения словарных элементов может варьироваться в связи с назначением словаря или по усмотрению составителей словаря, но всегда вокабула находится во главе леммы.

Важной ступенью в процессе лексикографической работы по описанию частиц является необходимость их систематизации. Систематизации следует подвергнуть «семантику частиц, поскольку для установления языковой группы необходима ориентация на частные (отдельные) значения служебной лексической единицы. Требуется унификация толкования частиц, отражающая связи частных значений слова» [2, с. 143, 144]. Распределение лексического материала по однородным группам индуцирует поиск составителя словаря в плане глубокого анализа служебных лексем. Соответственно, положительно решается проблема стандартизации семантического описания лексических единиц, то есть речь идет о стандартизации композиции толкования, которая предполагает возможность разработки однотипного метаязыка описания значений кодифицируемой единицы и установления их очередности в микроструктуре леммы.

Исходя из перечисленных выше теоретических установок, таким семантическим инвентарем в нашем случае является определение типа *Выражает*, после которого в порядке убывающей частотности значений кодифицируемой частицы подаются ее значения. Например:

<...> Выражает:

- 1) допущение, предположение: *Разве может забыть земля о том незабвенном утре две тысячи лет тому назад, когда вошел отрок в Назаретскую синагогу?* (И. Бунин) <...>.

Примеров дивергенции лексикографической кодификации в двуязычном словаре можно привести немало. Субстанциональной основой подобного обстоятельства является то, что частицы как слова служебные не имеют отчетливо очерченных лексических, грамматических и семантических границ. Большая часть лемм содержит объяснение русских частиц с помощью синонима или синонимов, то есть взамен глубокой кодификации значения частицы в качестве объяснения семантики толкуемого слова используются синонимические единицы.

Такое толкование не позволяет понять смысл частицы, а предлагает пользователю так называемый «синонимический круг», по которому должен пройти пользователь, но который ему ничего не дает в информативном и познавательном планах. То есть мы ставим проблему использования синонимов в русских дефинициях словарной статьи двуязычного словаря. На наш взгляд, следует избегать синонимического толкования в словарной статье на русскую частицу, однако отказываться от применения синонимов не следует. Предлагаем в словарной статье двуязычного словаря после каждого описываемого значения русской частицы и иллюстративного материала после пометы [≈] перечислять при наличии частичные (приблизительные) синонимы. Для обозначения синонима(-ов) русской частицы нами используется помета [≈], которая в математике является знаком, обозначающим приблизительное равенство, т.е. приведенные лексические единицы не являются точными синонимами. Такие сведения позволяют пользователю факультативно получить информацию о парадигматических отношениях описываемой частицы в ряду иных лексических (словарных) единиц [3, с. 27, 28].

В представленной ниже словарной статье на частицу *разве* синонимы *неужели*, *только если*, *возможно ли* подаются после пометы [≈] несколько раз. Например, представленная нами в качестве синонима к вокабуле *разве* лексическая единица *неужели* обладает существенным смысловым отличием. Используя частицу *разве*, адресант просит адресата подтвердить или опровергнуть некое высказывание. Частица *неужели*, выражая удивление или сомнение говорящего в правдоподобности сообщаемого факта, усиливает общий вопрос к концу озвученного высказывания [4, с. 49, 50]. Поэтому после указания на наличие синонима *неужели* к слову *разве* в обязательном порядке дается ссылка к словарной статье на частицу *неужели*:

≈ – неужели (см. слов. статью на част. *неужели*).

Вначале сведения о синонимах могут подаваться после материала о стилистическом использовании частицы, а потом – после отдельного значения описываемой частицы. В качестве минимального контекста должны использоваться словосочетания и простые (минимальные) предложения, которые в достаточной степени могут раскрывать факультативные/добавочные оттенки значений кодифицируемых лексем.

На наш взгляд, в структуру словарной статьи на русскую частицу следует также включать информацию об омонимах, если они имеются у частицы. Эту информацию мы предлагаем подавать сразу после стилистической зоны за пометой [≡], которая в математике является знаком, обозначающим тождественность.

Аксессуары принципы кодификации лексических единиц применяются лексикографами селективно [5, с. 39]. Выбор зависит от предпочитаемого составителем словаря подхода к компонентам макроструктуры словаря в отдельности или отдельным микрокомпонентам леммы.

К аксессуарным принципам, как представляется, следует отнести принципы, связанные, например, с филиацией – выделением и последовательным расположением значений полисемичного слова внутри леммы [6, с. 13]. Семантика слова в лемме кодифицируется, как правило, следующими методами: дескриптивным (дается информация о важных признаках/особенностях объекта, события, физического феномена), синонимическим (описание заголовочного слова осуществляется с помощью синонимов), отсылочным (производное слово не объясняется в отдельной лемме; отдельная вербальная помета отсылает читателя к лемме с производным словом, в котором учитывается значение корневого словообразовательного компонента).

Для русской типовой части словарной статьи двуязычного словаря важным должно стать деление русских частиц на книжные (письменная речь) и разговорные (устная речь), при этом следует сопровождать каждую кодифицируемую частицу пометой *книжн.* или *разг.*

Разработанный нами лексикографический портрет на частицу *разве* отражает перечисленные выше теоретические установки:

РАЗВЕ, вопрос. част., книжн. и разг.

≡ – союз «разве»,

≈ – неужели (см. слов. статью на част. *неужели*).

Выражает:

1) допущение, предположение: *Разве может забыть земля о том незабвенном*

утре две тысячи лет тому назад, когда вошел отрок в Назаретскую синагогу? (И. Бунин); **Разве** не всё дают им лес, океан, солнце? (И. Бунин);

≈ – только если (см. слов. статью на част. *только если*).

2) возможность: **Разве** лечь, подремать? (И. Бунин); *Нигде не росло ни единого деревца – разве* какая-нибудь кривая яблонька на мещанском пустыре (И. Бунин);

≈ – только (см. слов. статью на част. *только*).

3) условность: **Разве** что можно купить машину подержанную на последние деньги...

≈ – в случае (см. слов. статью на предлог *в случае*).

4) уверенность в противоположном ответе, действию: *И что ж, разве* эта борьба ничего не дает, *разве* она уже совсем бесплодна? (И. Бунин); – *Да разве* в туман можно замерзнуть? (И. Бунин);

≈ – если только (см. слов. статью на част. *если только*).

5) недоверие: – *Вчера откуда именно приехал он? Но, по совести сказать, разве* мы знали когда-нибудь, откуда он приезжает? (И. Бунин); – *А разве* нас с вами пустят туда? (И. Бунин);

≈ – возможно ли, неужели, правда ли, так ли (см. слов. статьи на эти частицы).

6) неуверенность: – *Что, разве* уже пора? (И. Бунин); – **Разве** молока, – *прибавил он рассеянно* (И. Бунин);

≈ – может быть (см. слов. статью на вводн. сл. *может быть*), возможно (см. слов. статью на част. *возможно*), только (см. слов. статью на част. *только*). **Разве** съездить? (Может быть, съездить?) **Попробовать разве?** (Может быть, только попробовать?);

7) предположение о чем-либо как единственно возможном: **Разве** вырезать клоч меху и привязать к перу, к щепке? (И. Бунин);

≈ – только если (см. слов. статью на част. *только если*);

8) сомнение: **Разве** недостаточно с вас этого? (И. Бунин);

≈ – может быть (см. слов. статью на вводн. сл. *может быть*), так ли? (см. слов. статью на част. *так ли?*), правда ли? (см. слов. статью на част. *правда*);

9) неодобрение, осуждение: **Разве** так можно поступать с друзьями?; *Да разве* тут надо еще объяснять, Михаил Саввич, **разве** это не понятно? (А. Чехов);

≈ – не правда ли (см. слов. статью на част. *не правда ли*), не так ли (см. слов. статью на част. *не так ли*).

10) недоумение: – *Жаль! А закусить разве* не хотите? *Ведь хочется небось?* (И. Бунин);

≈ – неужели (см. слов. статью на част. *неужели*).

♦ **Разве** можно, част.; разг.

1. Невозможность чего-либо. **Разве** они умеют работать? (И. Бунин).

2. Уверенное отрицание. **Разве** за ним углядишь? (И. Бунин); **Разве** это дело? (И. Бунин).

≈ – нельзя (см. слов. статью на слово *нельзя*).

♦ **Разве** такое бывает? Устойчивое выражение со значением недоумения (недоверия, растерянности, раздумья); по значению соответствует сочетаниям слов *возможно ли? неужели? правда ли? так ли?*

Как видно из представленной выше словарной статьи, нами использованы диалоги и полилоги главных и второстепенных героев художественных произведений, которые отражают узус обиходного общения, поскольку главной особенностью русских частиц является их прагматическая направленность и интонационная составляющая [7, с. 329].

Использованные нами в словарной статье языковые иллюстрации на частицу *разве* представляют собой идиосинкратические единицы языка, суть ее содержательных/символических форм. Например, в отрицательном мнимо-вопросительном (риторическом) предложении *Разве так можно поступать с друзьями?* экспрессивная частица *разве* в сочетании с местоименным наречием *так* «подразумевает» наречие *неправильно* или лексическую единицу *нельзя*. То есть на синтаксическом уровне передается значение «аномальное», «не соответствующее норме, общественному или субъективному стереотипу» [8, с. 11]. Употребляя высказывание с использованием частицы *разве*, говорящий впоследствии «сам дает верный (образцовый) вариант оцениваемых действий (как надо) или объясняет, почему в данном случае действие оценивается как ошибочное» [8, с. 11], или «просит собеседника указать выход из этого дискомфортного состояния когнитивного диссонанса» [9, с. 5, 6].

В вышеприведенной словарной статье значения частицы последовательно представлены после арабских цифр, толкование значения дается описательным способом, дополнительным средством семантизации является использование синонимов при их наличии у значений частицы, которые имеют специальную отсылку к соответствующей словарной статье.

Заключение

Как видно из вышеизложенного, лексикографический портрет лексемы, соз-

данный интегральным описанием слова на фоне конкретного лексикографического типа, существенно отличается в сравнении с традиционным словарным описанием. Различные типы частиц, их семантика, морфологические, синтаксические и фразеологические возможности, несомненно, ведут к разным способам их эквивалентного выражения, показа их использования в языковой практике, поскольку специфика двуязычия сама экстраполирует различные подходы к кодификации лексических единиц двух лексикографируемых языков.

Двуязычный словарь должен учитывать особенности лексикографического типа описываемых единиц – русских частиц.

Различные типы частиц, их семантика, морфологические, синтаксические и фразеологические возможности, несомненно, ведут к разным способам их кодификации, показа их использования в языковой практике, поскольку специфика их использования в устной речи экстраполирует различные подходы к их кодификации в рамках отдельной словарной статьи. Следовательно, наиболее оптимальным лексикографическим портретом леммы на русскую частицу в двуязычном словаре будет такой, в который войдут следующие лексикографируемые свойства – зоны: 1) грамматическая, 2) стилистическая, 3) лексикологическая,

4) семантическая, 5) иллюстративная, 6) фразеологическая, 7) прагматическая (просодическая, остенсивная).

Список литературы

1. Ривелис Е. Как возможен двуязычный словарь. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 36. Stockholm: Department of Slavic Languages, Stockholm University, 2007. 407 с.
2. Цой А. Русские частицы как объект лексикографии // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. 2014. № 10. С. 137–145.
3. Алимпиева Л.В. Иерархия лексикографических помет в словарной статье двуязычного словаря // Научное обозрение. Педагогические науки. 2021. № 1. С. 25–29.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 485 с.
5. Алимпиева Л.В. Аксессуары принципы кодификации лексических единиц // Самарский государственный социально-педагогический университет. 2019. Т. 7. № 2 (23). С. 38–43.
6. Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции: монография. М.: Флинта: Наука, 2012. 112 с.
7. Цой А. Интонация как компонент семиозиса русских частиц // Studia Rossica Posnaniensia. 2019. Т. 44. № 1. С. 327–336.
8. Артамонов В.Н., Уба Е.В. Конструкции с частицей *разве* как средство реализации оппозиции «Нормальное – аномальное» на синтаксическом уровне // Мир русского слова. 2019. № 4. С. 8–13.
9. Зализняк А.А. Русское *разве*: от предложения к вопросительной частице // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 5–11.